

**Крестовский Всеволод
Владимирович**

**Очерки кавалерийской
жизни**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-311.3
ББК 84-4

Крестовский Всеволод Владимирович
Очерки кавалерийской жизни / Крестовский Всеволод Владимирович – М.:
Книга по Требованию, 2011. – 230 с.

ISBN 978-5-4241-2232-3

Всеволод Владимирович Крестовский - замечательный русский писатель,
автор известного романа "Петербургские трущобы".

ISBN 978-5-4241-2232-3

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Всеволод Владимирович
КРЕСТОВСКИЙ
ОЧЕРКИ КАВАЛЕРИЙСКОЙ
ЖИЗНИ

I. От штаба до зимних квартир

1. Сборы и проводы

Ваше благородие, вахмистр пришел.

– Зови его сюда.

Входит эскадронный вахмистр – солидная, солдатски представительная фигура – и останавливается у двери.

– Здравствуй, Андрей Васильевич! Что скажешь?

– Здравия желаю, ваше благородие! Так как теперича, ваше благородие, завтра выступать, так майор просят вас, чтобы вы изволили эскадрон отвести, по той, собственно, причине, как они сами изволят еще в городе оставаться – потому не здоровы-с, – так просили, чтоб вы уж за них.

– Хорошо. Передай майору, что будет исполнено.

– Слушаю-с. Больше ничего приказать не изволите?

– Больше ничего... Разве вот что: Степан, поднеси вахмистру стаканчик водки!

– Покорнейшие благодарим, ваше благородие!

Водка подана и охотно принята с вежливо-церемонной деликатностью.

– За ваше здравие-с! – И стаканчик разом опрокидывается в широкую вахмистерскую глотку.

– Счастливо оставаться, ваше благородие!

– Прощай, Андрей Васильич!

Солидная фигура степенно скрывается и осторожно притворяет за собою дверь.

Итак, завтра на зимние квартиры. Выступать в восемь часов утра, стало быть – надо проснуться в шесть, а теперь первый час Дня: времени, для того чтобы изгототовиться, очень достаточно, тем более что офицерские сборы не велики: походная складная кровать с кожаной подушкой, чемодан с бельем и платьем, ковер как неизменное и даже необходимое украшение офицерского бродячего быта да еще походный погребец; ну, да пожалуй, ружье да собака – вот и все хозяйство! Но в этом хозяйстве, знаете ли вы, что достопримечательней всего? Это именно погребец, характерные образцы которого, кажись, только и можно встретить в быту армейского офицера, потому что кому же он надобен, кроме человека, обреченного на вечно бродячую жизнь? Таким образом, из «русской» лавки любого ярмарочного балагана этот неизменный, традиционный погребец переходит непосредственно в офицерские руки. Представьте вы себе маленький сундучок, менее аршина в длину, около трех четвертей в ширину, обитый оленьей шкурой, окованный жестью, с непременно звонким внутренним замком, – а между тем в этом скромном вместилище чего-чего только не заключается! Тут и кругленький походный самоварчик на четыре стакана, миниатюрные экземпляры которых помещаются рядом, тут и медная кастрюлька, крышка которой, в случае надобности, может заменить собою и сковороду, для чего при ней имеется и железная ручка. Тут и мисочка для похлебки, и четыре тарелки: две мелкие и две глубокие; тут и чайник, и чайница, и сахарница, и солонка, и перечница, и чернильница с песочницей, и два больших штофа со щегольскими

пробками – «аплике», и все это накрываются подносом, приложенными к крышке, в которую вправлено еще и небольшое зеркальце. Но все это богатство составляет только верхний этаж офицерского погребца: приподнимите за ушки вкладное вместилище всей этой роскоши – под ним окажется этаж нижний, где имеются отлично приложенные помещения для пары ножей и вилок, двух столовых и четырех чайных ложек, для салфетки и полотенца, для карандаша с пером и ножом перочинным, для гребешка и бритвы и даже... для сапожных щеток. Так вот что за штука этот походный погребец – незаменимый и неизменный друг и товарищ армейской жизни! Как разложишь все его богатства, так просто изумляешься: где и каким образом может вместиться столько разнообразных вещей в таком маленьком сундучке, с таким тесным объемом, а между тем все это вмещается, все это так искусно, так ловко пригнано и приложено, что просто не хочется верить, будто погребец не есть изобретение какого-нибудь аккуратного немца, а чисто наше «рассейское».

Итак, почти все наше хозяйство заключается в этом мудреном погребце, а для остальных вещей – небольшой чемодан или выюк – и готово! Сборы в поход никоим образом не займут более получаса времени. Но все-таки надо кой о чем подумать: во-первых, нанять пароконную подводу под вещи, потому что поход хотя и не велик, но все-таки продолжается трое суток; во-вторых, надо заказывать в трактире жареную курицу, да жареного поросенка с фаршем, да штук тридцать пирожков с капустой на придачу, потому что без этих необходимых запасов рискуешь на пространстве всех трех переходов не найти ровнехонько ничего из удобосъедомого.

Но курица с поросенком – это пустяки: заказать их недолго, а главное дело, чтобы подводу повыгоднее нанять. Отправляемся на почтовую станцию, где встречает нас приказчик содергателя конной почты. Приказчик «из наших», со всеми характерными отличиями физиономии, запаха и костюма. Объявляем ему нашу надобность.

– Схолки коней ви гаворитю? – вежливо и любезно прищуривает он глаз.

– Пару.

– Па-ару?.. Ну, й зачэм вам пару! Берить тройка! Увсще гхаросши гаспода заусигда на тройка ехають и з калаколчик. Ми вам будзим одпушкаць сшами лучши кур'ерски тройка!

– Мне нужно не под себя, а под вещи мои.

– Под виешу?.. Ну, то мозже какой гхаросший виешу, гхурсштал, чи то фаянцы?.. А под гхаросши виешу нада гхаросши кони.

На этот аргумент ему категорически объявляется, что если спрашивают пару, то, стало быть, только и нужна пара, а не тройка.

– Н-ну, як пара, то хай и пара!.. Можжно й пару! Зачэм ниет?..

А докуда васше благородю ехать будете?

– В Свислочь.

– До Сшвисшлочь?.. до сшами Сшвисшлочь!.. А зачэм так далока? зачэм до Сшвисшлочь?

– Затем, что там эскадрон стоять будет.

– Сшквадро-он?.. Вуляньски сшквадрон?

– Ну, конечно, уланский.

– А!.. гхэта доволна гхарасшю!.. Там ест мадам Янкелёва, сшвой ляфка

дэржит з рижской вина и з увсшеким припасом; ей будзиць гхаросший гхандел... Но толки зжвините: ви гаворитю, што сшквадрон исцо не сштаиць, а толки будзиць сштаиць?

— Да, будет.

— Ну, як исцо толки будзиць, то лепш бэриць кони до Сшкидел, бо у Сшкидел вже стаиць.

— Куда ж, любезный друг, в Скидэль?! Скидэль вон где, а Свислочь эва куда! Совсем в другую сторону!

— Зжвините, але ж и на Сшкидел тозже вуляны сштаиць, и тозже цалы сшквадрон.

— Да, только там четвертый, а наш — первый.

— Н-ну, и што таково, што читворты, што пэрви, какгда зж то ни увсшё равно?!.. Увсшё равно такой зже гхаросши сшквадрон и такой зже вулянский!.. Але зж до Сшкидел толки двадцатьвосьмю вэрстов, а до Сшвислочь восшимдесштот, а мозже й цалы што, а мозже й болш як за што, бо вэрсту там не миеренны... И што вам за агхота ехать так очин далока?!

— Ну, уж это не твое дело рассуждать! Я тебя спрашиваю, сколько возьмешь за пароконную бричку в Свислочь?

— Ой-вай! Што зж из вас увзяць?.. Ми не задорого — ми по сшовестю: двадцатьпять цшлковых.

— Что такое? Двадцать пять цшлковых?! Да ты ошалел?!

— Ниет, то мозже исцо мой папэньюку сшалел, а ми взже здаровий!.. Менш — дали-Бугх! — не мозжна!.. А ни яким сшпасобем не мозжна!

Начинается торг продолжительный и упорный. Еврей спускает понемножку и все убеждает брать коней до Скиделя — «бо каб до Сшкидел, то мозжна й за дванадцять, а то и за дзесенць рубли», но после переговоров, длиющихся по крайней мере полчаса, в течение которых жид пробует поддеть вас и так и эдак: то льстя самолюбию, то даже устыжая: «Фэ! Такий гхаросший, такий бегатый, але зж такий сшкупий гасшпидин!» — дело наконец слаживается на двенадцати рублях с кормом коней и довольствием ямщика от нанимателя.

Итак, поросенок заказан, кони поряжены, вещи уложены — стало быть, все уже готово! Слава тебе, Господи! Можно, значит, съездить к кой-кому из хороших знакомых и проститься.

У солдата сборы гораздо короче, а если и замедляются они несколько, то разве тем, что иной из них отпросится у вахмистра в город на базар, купит себе что-нибудь необходимое в его личном хозяйстве: какие-нибудь шерстяные вязаные перчатки или носки, каких-нибудь ниток, иголок, воску да костяшек, если он портной, какой-нибудь дратвы да вару, если сапожник, да разве еще какой-нибудь ярко-пестрый ситцевый платок в подарок старой знакомке — будущей своей «зимовой хозяюшке», которая была уже его хозяюшкой и в прошлую, и в позапрошлую зиму. А уходя с осеннего постоя, он все свое незатейливое имущество упакует около седла, под попонку, на что времени потребуется ему не более десяти-пятнадцати минут, и потому солдатская укладка начинается уже в самое утро выступления, перед седловкой. С кумом каким-нибудь он простился еще с вечера, причем кум угостил его крючком водки, а добрая кума — буде есть такая — еще накануне выстирала ему сорочку, заштопала порты и приготовила кусок свиного копченого сала как прощальный гостинец на дорогу, чтобы солдат не

забывал ее до следующей осенней стоянки.

Некоторые затруднения случаются только для старшего вахмистра, и происходят они вот отчего: стоит эскадрон, положим, хоть на осенних квартирах, во время осеннего полкового сбора, недель шесть или около двух месяцев в какой-нибудь деревушке, поблизости полкового штаба. При выступлении эскадрону надо получить от старосты квитанцию, что обыватели к солдатам никакой претензии не имеют; но крестьяне, иногда справедливо, а иногда и облыжно, непременно заявляют кляузные претензии: у Ясюка, мол, огород потоптали, а у Мацея шлея да два куля соломы из сарая пропали, а у Криштофа из-под хмеля тычины не весть куда повыдерганы – все это суть претензии, которые следует удовлетворить, потому что не наряжать же формального следствия из-за Мацеевых кулей да из-за Криштофовых тычин, когда завтра на рассвете эскадрону выступать из деревни. Значит, вахмистру надо помириться, чтобы получить квитанцию. А как помириться – дело известное. И староста с сотским, и Мацей с Ясюком очень хорошо уже, из долгого житейского опыта, знают способ этого мира. Они знают, что вахмистр любезно и дружелюбно зазовет их в корыму, поставит им две или три кварты водки; Мацей с Ясюками напьются, покалывают, посчитаются кто чем, прослезятся и скажут: «А бувайце здоровенъки, брацики! Вертайтесь до нас, да каб паскарейш!.. Дай вам Боже вясельы пущ! Прашавайце!» – и эскадрон расстается приятелем со всеми Ясюками и Криштофами, все претензии которых, настоящие или мнимые, в сущности заключаются лишь в получении дарового угощения двумя-тремя квартами водки.

В ночь перед выступлением солдат просыпается очень рано. Еще небо темно и играет яркими звездами или подернуто мглистым, холодным сумраком; еще вторые петухи только что начинают голосисто перекликаться между собою с разных концов погруженной в глубокий сон деревни, а уже солдатик, зевая и бормоча про себя: «Ох тих-тих-ти-их... Господи Иисусе Христе!» – протирает кулаком глаза, натягивает сапожища, набрасывает на плечи шинель и по хрусткой, заморозковой почве пробирается через двор к конюшне, где, мерно хрустя зубами и изредка пофыркивая, стоит его конь в ожидании утренней уборки. В ночь перед выступлением солдату обыкновенно плохо спится: все кажется, даже и во сне, что не успеешь убраться, что проспишь тот час, когда, идучи вдоль сонной деревни, эскадронный трубач на старой, дребезжащей трубе зычно и отчасти фальшиво пропрет в ночной тишине знакомые звуки генерал-марша:

Всадники-други, в поход собирайтесь!

Радостный звук нас ко славе зовет:

С бодрым духом храбро сражайтесь! –

За царя, родину сладко нам смерть принять!

Седлай!

Но долго еще до того времени, когда вслед за высоким финальным звуком трубы повторится громко и долгозвучно на всю деревню команда взводных вахмистров: «Седла-а-ай!»

А между тем солдатик уже встал, осмотрел лошадь, зачистил ее, задал гарнец утренней дачи, заложил сена и покрыл попоной в ожидании этого зычного вахмистерского окрика. Потом тут же на дворе умыл руки и лицо посредством самого простого, незатейливого способа: набирая себе в рот воды из глиняного хозяйствского кувшина. Вода холодна и дерет ему кожу, но это ничего: дело здорово

вое! А умывшись, солдатик становится еще бодрее; стал степенно, лицом на восток, где еще и не думает сереть белесоватая полоса восхода, и, осеняя себя широким крестным знамением, шепчет свою тихую молитву. Пока он справился с лошадью, пока сам умылся, Богу помолился да приоделся, — глядя: прошло часа полтора времени. Третья петухи поют; на востоке чуть-чуть засерело, хотя звезды блещут и мигают все также сильно и светло в темной глубине неба, а кое-где по избам у иных добрых хозяев уже яркий огонь в печи затрещал; по деревне дымком потянуло; замычал теленок в каком-то хлеву; заскрипел «журавель» над колодцем — и пустая бадья звучно ударила в глубине криницы об сонную и вдруг забулькавшую влагу... Голоса слышны кое-где; по конюшням фыркают кавалерийские кони и гулко бьют копытами промерзлую землю. Эскадронная собачонка Шарик с закорюченным хвостиком весело затявкала и, обнюхиваясь, резво побежала вдоль по деревне вприпрыжку, подрыгивая слегка где-то пришибленною заднею ногою. Там и сям около хат и сараев чаще замелькали солдатские темные фигуры, в полуутыне похожие на какие-то бродячие тени. В низеньких, крошечных оконцах засветились огни — деревня мало-момалу проснулась. И дымком тянет по низу сильнее и гуще.

Прошло еще около часу — и вот трубач пошел вдоль по деревне, с одного конца до другого. Раздались резкие, дребезжащие звуки — генерал-марш будто бы будет солдатиков, а они все и без него уж давным-давно проснулись. И не успел еще затеряться за ближним пригорком в холодном предрассветном воздухе издалека слышный высокий звук трубы, как уже с четырех концов деревни почти разом раздается эта знакомая и давно ожидаемая команда: «Седлай!» — и солдатики вмиг засуетились.

В конюшнях — слышно — то там, то здесь фыркают, храпят и бьются седлаемые кони, раздаются обращаемые к ним возгласы:

— Но-о, ты!.. Куда-а?!. Смирно!.. Ы! леший!.. Сто-ой!..

— Шклянник! Подержитка-сь, братец, свою Баранесу! Мешает, подлая: зубам балуется...

— Бочаров! Куды-те, дьявол, щетки мае задевал? Отдай щетки-то!

— Трохименко! Прячьте, пожалуйста, ваш недоуздок — валяется!

А в это время взводные вахмистра похаживают по конюшням да подбадривают:

— Но-но, ребятки!.. Встрепохнись, ворошись!.. Живо, живо, братцы! Живея! И то, вишь, сколько запоздали!.. Ну-ну, не копайся! Чтобы в секунт!

Но «ребятки» не копаются: они и без поощрений, уж сами по себе «в секунт» готовы, — и вот, то с того двора, то с этого, ползгивая тяжелыми саблями, сходятся к сборному пункту, то есть к вахмистерской квартире, одиночные всадники, ведя коня в поводу и вольно положив на плечо пику.

Андрей Васильевич в это время давно уже «встамши» и наскоро чайком заниматься изволят.

Вот зашли к нему взводные доложить, что люди, почитай, готовы, а он их чайком:

— Карп Макарыч! Илья Степаныч! Кушайте, пожалуйста!.. Без сумления!.. Наливайте-тка! Да только, значится, поскорея!

Взводные наскоро втягивают в себя горячий, дымящийся чай, кто из стакана, кто из чашки, кто из кружки, — обжигают себе при этом глотки, морщатся, пучат

глаза, но это ничего, потому вахмистерский чай, известно, дело горячее.

Но вот вахмистр выходит ко фронту.

– Все ли в сбore, ребята?

– Все как есть, Андрей Васильич!

– Никто ничего не забыл?.. Осмотритесь-ко!

– Все как есть, при себе... будьте без сумления!

– Ну, ладно!.. Садись!!

И фронт заколебался: солдатики ловким взмахом взбираются на тяжело за-вьюченных лошадей, из ноздрей которых пар валит клубами. Слегка прозябшие кони нетерпеливо фыркают и бьют копытами заскорузлую землю. Вот наконец все сели и разобрали поводья. Вахмистр снял шапку и крестится – весь эскадрон тоже креститься начинает.

Около кучки баб и мужиков староста с сотским, опервшись на свои дубинки, да несколько мальчишек, запрятав прозябшие ручонки в спущенные рукава холщовых сорочек, любопытно посматривают на всю эту процедуру.

– Ну, братцы, с Богом! – раздается голос вахмистра. – Смирно! Справа по три, шагом... ма-а-рш!

И эскадрон тихо двинулся, слегка колебля над своею темною массой легкие флюгера, в сероватой мгле рассвета.

Мальчишки впроприкку, звонко перекликаясь между собою, провожают его и задирают эскадронного Шарика, который тоже впроприкку на трех своих ногах, с веселым, радостным лаем и визгом швыряется во все стороны, то кидается между рядами, то забегает вперед и, вертя своим закорюченным хвостиком да скаля зубы, ласково засматривает лошадям и людям в глаза, словно бы говоря им этим взглядом: «Ну, вот, братцы мои любезные, и опять дождалися походу!.. Да взгляните же на меня, на Шарика-то! И я ведь вместе с вами! Никуда от вас! Привел Господь Бог, значит, опять прогуляться; только – аи, аи! – целый переход придется без кормежки в сухую отмахать!.. И-их ты! весело!..»

И люди, и кони словно бы понимают Шарика: первые улыбаются ему, а вторые ласково пофыркивают, мотая на него книзу головами, и вдруг осторожней начинают переступать, как бы нарочно для того, чтобы невзначай не задеть его копытом, когда он вдруг затешется и заегозит между рядами.

Староста с сотским, ублагодушенные вчерашним вахмистерским угощением, отправились, опираясь на свои дубинки, провожать эскадрон далеко за окопицу, а с другой стороны рядов увязалась за одним видным, красивым солдатиком какая-то молодая бабенка и, выпятив корпус вперед, поспешает босиком за лошадиным ходом, лишь бы не отстать от своего солдатика. Бабенка закрывает глаза рукою и всхлипывает.

– Не плачь, дура, чево ты! – обернувшись на нее книзу, говорит ей красивый солдатик. – Ну, чего ж ты! Ведь сказано, назад вернемся!

– О-ой, саколику мой! – слышен в ответ на это сквозь всхлипыванья прерывистый, надорванный от слез женский голос.

– Эка бесстыжая!.. Полноте, не срамись!.. При людях сама бежить, а сама плачить!.. Право, стыдно!.. Аль с утра уж хватила, что ли?.. Рабята смеяться будут.

– Ничего, пущай ее! – толерантно замечает сосед. – Известно дело: покутница, солдатка...

— Ой, салдатка, салдатка, голубонько мой! — сквозь слезы, ни на кого не глядя и все продолжая закрывать глаза рукою, навзрыд голосит бабенка. — Может й маво саколика гдысь-то проводзяехтось так само!.. Быу, та и узяли, у москалики пайшоу, и сама одна зосталае!.. О-ой, саколику мой ясны!..

— А ось пачакай, пачакай, быдло ты! Я це кием! — грозится на нее своею дубинкою солидный сотский.

Но покутница знай себе воет.

— Ну, дура, не плачь, говорю! — продолжает время от времени увещевать ее красивый солдатик. — Ведь ничего не поделаешь!..

Назад вернемся, так я те хустку червону подарю... Не плачь же! Срам ведь!

— Ничего! — опять-таки отвечает на это сосед. — Пущай ее!..

Потому, известно — любоф!

Но вот, и староста с сотским, откланявшись в последний раз «до забаченья», понуро повернули назад к деревне, и покутница-бабенка отстала от конского шага, утомясь наконец от быстрой ходьбы босыми ступнями по холодной, жестко замороженной почве, — и эскадрон мало-помалу вссю свою темною, колеблющеюся массой скрылся за горою, по направлению к городу, в легком морозном тумане занимающегося утра.

Рассчитывая, что завтра придется пораньше встать, я нарочно раньше лег в постель и, по обыкновению, на сон грядущий стал пробегать столбцы первой попавшейся под руку газеты. Было уже более двенадцати часов, когда в прихожей раздался авторитетный звонок, обыкновенно обозначавший своею силой приход кого-нибудь из товарищей, — и точно: через минуту в спальню ввалились с топотом и веселым шумом адъютант с квартирмейстером.

— Как!.., уже в постели? Что за безобразие! Эдакая рань еще, а он спать! — раздались их возгласы. — Мы, брат, к тебе прощаться пришли — «принимай гостей, покидай постель»!

— Вас бы нелегкая еще попоздней принесла: чем же я теперь кормить вас буду?

— Все, что есть в печи, — все на стол мечи!

— Было бы что метать-то! Трактиры наши, сами знаете, в эту пору уж заперты.

— Не в трактирах дело, а в хорошей беседе! Чай дома есть?

— Разумеется.

— И выпить найдется что-нибудь?

— По обыкновению.

— Ну, а хлеб да соль у денциков отыщем, — значит, аминь тому делу!

Однако я распорядился, чтобы человек побежал поскорее в ресторан и попытался бы там достучаться да добить чего ни на есть из съестного, хоть холодного ростбифу, что ли.

— Вот это правильно, — подхватил адъютант, — потому что не о едином хлебе скыт будет человек, но и о ростбифе.

Пока один денщик побежал в трактир, другой стал возиться около самовара, раздувая его по денничьему обыкновению длинным голенищем походного сапога.

— А где Апроня? — осведомился адъютант о моем сожителе, которого добрые приятели попросту звали между собою этою интимною кличкой.

— А где ему быть? По обыкновению, в театре пропадает.

— И все подыхает по Эльсинорской? С актрисами возится?

— Подыхает...

— А лихо она, черт ее возьми, канкан танцует!.. И куплеты сказывает не без шику!

— Тем и берет. Впрочем, девочка добрая...

Завязался обыкновенный офицерский разговор: о лошадях, о манеже, о на-
чальстве, о женщинах, о ростовщике-еврее и его процентах, да о романе «M-ll Giraud – ma femme».

В это время раздался новый звонок – и после некоторой возни в прихожей вошел мой сожитель Апроня.

— А я, брат, с актрисами, – проговорил он таинственным полушепотом, на цыпочках шагая ко мне своими длинными ногами и подавая нам руки.

Мы все невольно рассмеялись.

— Где ж они и много ль их?

— Здесь вот! – И он кивнул по направлению к нашей офицерской гостииной и кабинету. – Целая тройка! И есть мы все хотим, как сорок тысяч братии хотеть не могут.

— Целая тройка?!. Что ж там больно тихо у них, никакого гвалту не слыхать?

— Постойте: разойдется еще... Вот городишкото мерзейший! – с досадой продолжал Алроня. – Только что спектакль кончился. Думал поужинать; толкнулся к Роммеру – залерто, к Шестаковской – заперто, к Вездненскому – тоже заперто!.. Тфу ты!.. Вот и живи тут!.. А они есть хотят; Варвара Семеновна даже и не переодевалась: как играла, так дебардером и поехала; торопились, думали – авось не запрут, ан не тут-то было!.. Ну, уж город! В двенадцать часов хоть с голоду помирай!.. Я вижу это, что и есть-то им хочется, да и прозябли, катаючись со мною за пищей; ну, что ж тут, думаю... «Поедемте, mesdames, говорю, к нам: авось что-нибудь и отыщем». Ну, вот и приехали! Найдется, что ли, у нас-то хоть что-нибудь?

— Да что вы там заперлися? – раздались веселые и нетерпеливые голоса за запертой дверью. – Прикажите хоть огня-то подать... Мы в потемках!

Я велел мигом зажечь лампы, затопить камин и давать поскорее чаю, а сам живо оделся и явился к нежданным гостьям, которые уже весело тараторили с моими товарищами, вышедшими к ним по первому зову.

Я нашел в своем кабинете уже довольно оживленную картинку: большая лампа под розовым колпаком наполняла всю комнату мягким матовым светом; сухие дрова уже весело трещали в камине; две актрисы, Каскадова и Радецкая, обе очень миловидные и веселые женщины, – напялив фехтовальные перчатки и упрятав свои головы под сетчатые маски, стояли посередине комнаты в самых воинственных позах и затянули между собою преуморитель-ный бой на эспадонах, к немалому соблазну лягавого щенка, который, весело тявкая, гонялся то за одной, то за другой, игриво теребя их шлейфы; а страсть моего сожителя – девица Эльси-норская, одетая мальчишкой в шикарный костюм дебардера, в котором она только что играла в театре роль Леони в известном буфе «Все мы жаждем любви», – сидела за пианино и, как-то ухитряясь в одно и то же время перекидываться словцом-другим в общей болтовне и аккомпанировать себе бойкими аккордами, напевала шикарный куплетец:

A Provins